

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ВООБРАЖЕНИИ*

Исследования ментального опыта субъекта разграничивали психические способности – сенсорность, воображение, мышление, в то время как реальный процесс является периферической пульсацией, захватывающей различные сферы интеллектуальной деятельности. Любой акт сознания, и в том числе деятельность воображения, представляет собой интенцию, направленность на объект. Интенции подразделяются по степени отвлеченности от объективных качеств предмета. Воображение становится ломкой времени, направляет целеполагание, меняет ориентиры присутствия. Воображение способно создавать свое ментальное пространство, существующее в особой темпоральности. Независимое воображение способно создавать миры, реально существующие, возводит бытие в свободную степень.

Ключевые слова:

бытие, воображаемое, воображение, время, иллюзия, интенция, ментальный опыт, мышление, образ, присутствие, рациональность, субъект, функция, чувственность.

Султанов К.В., Суворов Н.Н. Преодоление реальности в воображении // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 2. – С. 53–56.

© Султанов Константин Викторович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Суворов Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: suvorovnik@mail.ru

Исследование креативных процессов/взрывов с необходимостью ставить проблематику философского основания поисковой субъективной активности. Процессуальность воображения, являющаяся характеристикой изменчивости, не становится причиной невнимания к вопросам онтологии творчества. Требуется выявить не только механизмы воображения и его продукта – воображаемого, но и определить объективные основания: диспозицию сущности по отношению к способности воображения, определить интенции присутствия к бытию, роль субъекта в среде флуктуаций новизны, исследовать проблемную ситуацию воображаемого, конфигурации интеллектуального опыта.

Теоретические изыскания способности воображения в XX веке шли по путям психологии и философии. Психологические исследования – Л.С. Выготский, К. Юнг; философские – Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Ж. Делёз, А. Бадью. Именно философские исследования представляются наиболее интересными и продуктивными для эстетики. Так, К. Юнг полагал, что критическая интроспекция, медитации и самоанализ имеют в европейской традиции плохую репутацию и порицаются как форма патологического нарциссизма. Юнг признавался, что «только изучив всю жизнь конкретного индивида, можно

объяснить архетип, встретившийся ему» [5, с. 95], а толкование сновидений и образов бессознательного осуществляется с большой долей вероятности и имеет в основном клиническую ценность. Интенциональные акты сознания исследовались Гуссерлем с точки зрения феноменологии – чистого, незаинтересованного сознания и, следовательно, универсального. Любой акт сознания, и в том числе деятельность воображения, представляет собой интенцию, направленность на объект. Интенции подразделяются по степени отвлеченности от объективных качеств предмета. Всякий акт сознания интенционален, и ментальное пространство наполняется «интенциональными переживаниями и объектами» [1, с. 167], становясь элементами трансцендентального сознания. Сознание, таким образом, состоит из двух частей: первая – процесс интенции, направленность на объекты; вторая – преобразованные объекты интенции. По сути, все интенциональные объекты объединяются в одно поле ментального опыта. «Сознание конституирует единство интенциональной предметности многообразных способностей явления» [1, с. 60]. Интенциональные акты создают «эйдосы», несущие в себе качества объектов, но также преобразованные при помощи сигнификации и вербализации. Гуссерль отмечает особое значение

* Работа поддержана грантом РГНФ 15-06-106-98а «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала в современном российском образовании».

54 | вербальности и учитывает ее преобразующую силу в результатах интенциональных актов. Таким образом, интенциональный акт обладает особым горизонтом, формирует ментальную среду.

Если чувственное восприятие выступает как презентация объектов, то в воображении происходит их репрезентация. Личный опыт дополняется «опытом интересубъективного мира, существующего для каждого» [1, с. 119]. Субъект распахнут к интересубъекту и во многом определяется им. Сартр идет по пути Гуссерля, дополняя феноменологию понятием «отношения», полагая, что в воображении по сравнению с чувственной интенцией происходит «вторичное удвоение сущностей». В сознании существуют два вида образов: первичные образы чувственности и «ментальные образы» воображения. Чувственность ближе к материальным вещам в отличие от воображаемой сферы, создающей отвлеченные «ментальные образы». Сознание субъекта обнаруживает два различных качества – привязанности к чувственному опыту и свободе от опыта. Эта двойственность психического опыта была замечена еще Платоном, пытавшимся решить проблему связи мира вещей и мира идей благодаря участию Эроса. Без участия эротического влечения Платон не мог найти связь между двух видов бытия – материального и духовного. Материя тянется к своему одухотворенному совершенству, подчиняясь эротическому влечению. В душе также появляются устойчивые и изменчивые сущности. В теории Канта связь материи и духа сформулирована как взаимное отношение чувственности и рассудка, между которыми помещается способность воображения. Следует заметить трансформацию вездесущего принципа: от Эроса – к воображению. Сделаем предположение, что оба феномена обмениваются некоторой частью своих качеств.

Сартр ставит задачу прояснить природу воображаемого опыта, преодолевая фрейдистскую традицию и обогащая ее феноменологией. Он определяет природу репрезентации и выстраивает систему «сигнификационных актов». В результате следования иерархии образных сознаний материя становится все более и более бедной [3, с. 120]. Освобождение от чувственности делает воображение свободным, но взамен чувственному содержанию возникают иллюзии и химеры. Знание о сознании и воображении можно получить только с помощью рациональной рефлексии, но удается высказать только вероятност-

ные утверждения о психической природе воображаемого. Вариативность верхнего слоя репрезентации становится сродни множественности ее интерпретаций. Психологическая редукция, предпринятая Сартром, не приводит его к удовлетворительным выводам, в чем он признается. Продуктивным в его философской теории воображаемого является исследование самого процесса интенциональности, который в понятиях Хайдеггера рассматривается как «бытие-для-себя», в то время как интенциональные объекты Гуссерля соответствуют хайдеггеровскому «бытию-в-себе». Ментальное пространство хранится в памяти и способно активизироваться. Гуссерль отмечал два типа: ретенция – извлечение из памяти чувственного и мыслительного материала, имеющих репродуктивный характер, и протенция – внутреннее сознание времени, разновидность антиципации – это акт воображения того, что должно вот-вот произойти, что является предвидением. Протенция может быть краткосрочной и долгосрочной, протекающей в горизонте интеллектуального пространства и возможности истолкования на фоне горизонта интенциональности. Таким образом, присутствие по отношению к бытию может стать предвосхищением (восхищать – отрешиться, возноситься духом, быть похищенным у действительности), а не только предстоянием. Следовательно, присутствие способно обогнать бытие. Тогда присутствие становится отсутствием, превращается в ничто, присутствуя в ожидаемом бытии.

Телеология воображения означает не только следование по направлению к вещи-в-себе, стремление проникнуть в глубину сущности, но и выражение телеологии самой вещи, предчувствие сущего во времени. Воображение, возможно, становится ломкой времени, сгибанием временного потока, направляет целеполагание, меняет ориентиры присутствия. Воображение способно создавать свое ментальное пространство, существующее в особой темпоральности. Независимое воображение способно создавать миры, реально существующие, возводить бытие в свободную степень. Следуя за мыслью Хайдеггера, Сартр соглашается, что воображению присуща «способность спонтанности» и оно сохраняет характер созерцания. Для Хайдеггера воображение образует «горизонт предметности», является «способностью созерцать без присутствия» [4, с. 73]. В свою очередь отправной точкой размышлений Хайдеггера становится концепция

Канта. По Канту продуктивная сила воображения возможна, когда она имеет дело с чистым видом предметности, когда она свободна от опыта – это трансцендентальная способность воображения, находящаяся между чистым созерцанием и чистым мышлением. «Таким образом, мы имеем чистую способность воображения, как основную способность человеческой души, которая лежит в основе любого познания а priori» [2, с. 191].

В исследовании Хайдеггера в первом издании «Критики чистого разума» Кант называл воображение способностью «синтеза вообще», позднее, во втором издании своей книги, синтез подразделяется на синтез схватывания в созерцании, на синтез репродукции в воображении, на синтез рекогниции, умопостижения в понятии. В результате единое сознание выступает как понятийное представление, и «есть то, что объединяет постепенно созерцаемое, а затем также и репродуцируемое, многообразное в одно представление» [2, с. 260]. Кант этот синтез называет просматривающим (*hindurchspahend*). Просматривание имеет длительность, как череда сменяющихся друг друга образных смыслов, выступающих как длительность. Отсюда следует, что трансцендентальная способность воображения есть изначальное время, что означает по Канту «устойчивое и пребывающее» «я» – «конечная самость», которая составляет коррелят наших ощущений, заключает Хайдеггер.

Трансцендентальная способность воображения есть корень чувственности и рассудка. Хайдеггер критически относится к теории воображения Канта, отказавшего способности воображения в продуктивных возможностях. Хайдеггер отмечает интересный факт: во втором издании «Критики чистого разума» трансцендентальная способность воображения была отброшена и перетолкована в пользу рассудка. Кант начинает с того, что вычеркивает во втором издании выделенные им ранее все высказывания о воображении как основной способности вместе с чувственностью и рассудком и заменяет воображение – «необходимую функцию души» – на различные «функции рассудка», где воображение становится лишь одной из функций. Вследствие этого проблемы чувственной наглядности и чистого мышления вступают в противоречие. Хайдеггер объясняет эту непоследовательность Канта его приверженностью традиционному немецкому идеализму, всегда преувеличивавшего роль рационального взамен чувственности.

По мнению Хайдеггера, чистая иминация – есть «ничто», то есть то, что не есть сущее в смысле наличного – чистое пространство и чистое время. Трансцендентальная способность воображения позволяет возникнуть времени как последовательности событий. На ней основаны чистая чувственность и чистый разум, которые объединяются в единстве одной сущности и делают возможной конечность человеческой субъективности в ее целостности. Три элемента чистого познания составляют процесс временения самого времени. Трансцендентальная способность воображения, являясь корнем двух стволов познания – чувственности и рассудка, делает возможным единство онтологического синтеза – «мыслящего созерцания», воссоздающего в рамках субъективного, конечного существа «божественную способность изначальной интуиции» [4, с. 215]. Отсюда происходит переход к чистому времени: «изначальному, тройко-единящему образовыванию будущего, отбывающего и настоящего вообще, делает возможным чистый синтез» [4, с. 162]. Отсюда, заключает Хайдеггер, произрастает обоснование метафизики как онтологии – постановка проблемы бытия и времени. Превращение способности воображения в функцию мышления, сделанное Кантом во втором издании «Критики чистого разума», искажает ее специфическое существо. Хайдеггер иронизирует, что теория воображения не может быть Кантом строго построена, поскольку метафизическая антропология одновременно признается им как «неизвестнейшая и действительнейшая».

Сделаем вывод: Хайдеггер точно заметил кантовский перекоп в сторону рационального и принижение роли чувственного в природе воображения. Именно эти замечания стали эвристически ценными для Сартра в его стремлении раскрыть природу воображения, которое наделяется четырьмя характеристиками:

1. Образ – есть некое сознание,
2. Феномен квазинаблюдения, образ-сознание полагает свой объект как небытие,
3. Образ-сознание полагает свой объект как некое небытие,
4. Спонтанность.

Воображение ирреального строится на следующих основаниях. Так, в процессе конституирования ирреального объекта в роли восприятия выступает знание. Чувственность питается собственным отражением. Сущностная пустота при этом не ослабляет энергию воображения. Симулякр чувственного входит в содержание вооб-

ражаемого, наполняет его энергетикой, подобно тому, как хрустальный башмачок, найденный принцем, становится причиной его любви к Золушке. Запах знакомых духов вызывает связанные с ним образы и может усилить стремление к желанной встрече. Воображаемый образ реконструируется именно для того, чтобы вызвать чувство. «Одним словом, я предвижу последующее развитие моего аффективного состояния, и любая эволюция этого состояния зависит от моего предвидения» [3, с. 245]. Воображаемая реальность конструируется и способна превращаться в «ментальный театр».

Сартр отмечает существенные различия между эмоциями в реальном действии и эмоциями, вызванные ирреальным объектом. Ирреальные эмоции слабеют и постепенно исчезают. Существует воображаемое Я и реальное Я. Воображаемое Я постоянно разрушается при соприкосновении с реальным. Воображаемое Я находится в руинах прежнего опыта. Эти руины способны стать строительным материалом конструктивной работы воображения, превратиться в элементы новых конструкций, но способны также наносить незаживающие раны ментальному опыту, быть нежеланными образами «угрызений совести». Можно утверждать, что если бы сознание состояло только из актов, детерминированных реальностью, то оно никогда бы не вышло за границы реального. «Для того чтобы сознание могло воображать, нужно, чтобы оно ускользало от мира в силу самой своей природы» [3, с. 302].

У воображения есть возможность отрицания, «обращения в небытие» мира как тотальности, и это становится оборотной стороной свободы сознания. Акт воображения есть в одно и то же время конституирующий, изолирующий и уничтожающий акт. Необходимым условием воображения выступает «бытие-в-мире». Между тем это бытие постоянно выступает отрицанием самого мира, переходит в ирреаль-

ное бытие и, следовательно, приобретает двойное проявление: своим собственным небытием относительно мира и небытием мира по отношению к самому себе и переживается это отрицание как конкретная ситуация. Функция сознания обращения в небытие, названная Хайдеггером выходом за пределы, – это и есть возможный акт воображения. Свойство ускользания мира, исчезновения реальности может быть только как полагаемая этой реальности, относительно которой существует небытие. Появление воображаемого – есть возможность схватывания процесса обращения мира в небытие. Условием гибкости воображения становится отношение сознания и сомнения. Основанием такого отношения выступает позиционирование свободы. Кентавр возникает лишь тогда, когда позиционируется мир, где кентавра нет. Мир должен рассматриваться пустым, тогда возможно его население воображением различными существами. Воображающее сознание свободно от реальности, и эта свобода определяется его «бытием-в-мире», которое одновременно состоит в конституировании мира и в его обращении в небытие, в утверждении ирреального. Ирреальное в свою очередь отличается двойным бытием: своим собственным небытием относительно мира и небытием мира по отношению к нему самому [3, с. 305]. Воображение – выход за пределы реального. Хайдеггер: небытие – конститутивная структура сущего. Произведение искусства может восприниматься как реальная вещь, в которой постоянно проявляется ирреальное. Отсюда происходит знаменитая незаинтересованность эстетического, ускользание реального в небытие. Психологические исследования ментального опыта разграничивали психические способности: сенсорность, воображение, мышление, в то время как реальный процесс выглядит как периодическая пульсация, захватывающая различные сферы интеллектуальной деятельности.

Список литературы:

- [1] Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М.: Академический проект, 2010. – 229 с.
- [2] Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в шести томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
- [3] Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.
- [4] Хайдеггер М. Кант и проблемы метафизики. – М.: Логос, 1997. – 143 с.
- [5] Юнг К. Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.